

И.Д. КОСТИНА

ЛИТЕЙЩИКИ МОТОРИНЫ И ИХ РОДСТВЕННИКИ

В последние годы российские кампанологи обращают все большее внимание на жизненный путь создателей колоколов, собирая сведения о времени и обстоятельствах отливок по архивным документам. Краткие биографические данные мастеров, собранные воедино, опубликованы в работах Н.Н. Рубцова, В.А. Кондрашиной, А.Ф. Бондаренко, А.А. Глушецкого, И.Д. Костиной¹. Естественно, что помимо производственной и творческой деятельности у каждого мастера существовала частная жизнь со всеми ее проблемами, были семья и родственники, предки. Эта сторона их жизни ввиду ограниченности материала изучена слабо. Настоящее небольшое исследование имело целью по возможности собрать опубликованные и архивные материалы, касающиеся родственников самой известной династии московских литейщиков конца XVII – первой половины XVIII в. Моториных. Более всего материала для статьи дали два дела, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Одно из них – коллекция документов, по большей части связанных с Федором и Иваном Моториными, из личного фонда отца и сына Неболсиных². Григорий Павлович Неболсин (1811–1896) – экономист, в 1863–1866 гг. был товарищем министра финансов; Александр Григорьевич (1842–1916) – статистик. Оба владели поместьями в Новгородской и Самарской губерниях. Второе дело происходит из фонда Николая Васильевича Калачева (1819–1885) – археографа, управляющего московским архивом Министерства юстиции, основателя и первого директора археологического института в Санкт-Петербурге³. Дело состоит из разрозненных документов, касающихся семьи Ивана и Михаила Моториных, часть которых переписана в XIX в. В обоих делах есть документы, которые могли находиться только в семейном архиве. Каким образом они оказались у Неболсиных и Калачева неясно. Отрывочные сведения о родственниках жены Ивана Моторина в основном получены из публикаций Н.Б. Голиковой, Л.К. Ермолаевой, А.И. Аксенова.

Основатель династии – Федор Дмитриевич Моторин – имел сыновей Дмитрия и Ивана, у которого, в свою очередь, был сын Михаил. Двое последних обесмертили свои имена отливкой Царь-колокола. Талантливым литейщиком был и брат Ивана Дмитрий. После смерти Михаила в 1748 г. некоторое время колоколотейным предприятием владела его жена Екатерина Артемьевна. Однако о ней известно немного, а о женах Федора, Дмитрия и Ивана почти ничего. Были и другие родственники, предки с обеих сторон (Приложение 2).

Федор Дмитриевич, находясь на службе в Пушечном дворе, получил фамилию Моторин, дабы его не путали с другим мастером, имевшим те же имя и отчество. Она закрепилась за потомками. Эта фамилия не уникальная. Например,

известен воронежский подъячий Иван Моторин, на дворе которого весной 1696 г. некоторое время жил царь Петр Алексеевич при посещении этого города⁴.

Но кто был отцом Федора Моторина? Можно предположить, что он служил на Пушечном дворе. Без ссылки на источник Н.И. Фальковский написал, что это был литейщик Дмитрий, упомянутый в документе 1617 г.⁵ Но он мог быть отцом другого Федора Дмитриевича, получившего фамилию Колесников. Сохранился документ, датированный 14 марта 1661 г., согласно которому Федор Дмитриевич продал пушкарю Логину Сергееву сыну Кузнецу за 4 рубля 2 деньги кузнечное место и кузницу своего отца⁶. Она находилась в Земляном городе за Сретенскими воротами между кузницами, принадлежавшими колокольного дела ученику Лариону Минину и колокольного дела мастеру Петру Степанову. Свидетелем сделки был Федор Ларионов, а писал купчую московский пушкарь Елизар Елизарьев. Вместо Федора Дмитриевича «руку приложил» пушкарь Михаил Иванов, что свидетельствует о том, что продавец писать не умел. Поскольку в купчей не указана фамилия Федора Дмитриевича, то нельзя исключить того, что продал кузницу не Моторин, а его тезка Колесников. Тем более, что Моторин, начиная с 1667 г., постепенно скупает земельные участки и строения в Пушкарской слободе, на Большой Сретенской и Сергиевской улицах, а в 1673 г. следует покупка за 15 рублей деревянной кузницы «с кузнечным угольнишным местом» у пушкаря Евсевия Ларионова (сына Лариона Минина), то есть рядом с кузницей, проданной в 1661 г.⁷ Благодаря приобретению соседнего двора покойного Емельяна Данилова и других участков, Федор Моторин организовал довольно большое частное колоколотейное предприятие, именовавшееся заводом, которое было зарегистрировано в 1686 г. Его протяженность по Сретенской улице составляла 24 сажени (51 метр). В разросшемся хозяйстве были необходимы постоянные помощники. Существует документ о покупке им за 30 рублей пленного калмыцкого мальчика⁸. Возможно, были у него и другие крепостные.

Сохранилось несколько колоколов, отлитых Федором Моториным. Наиболее известны два из них колокольные «Иван Великий»: «Новый» 1679 г., отлитый для этой колокольной, и «Даниловский» 1678 г., созданный для Свято-Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском, но перенесенный в Кремль не позднее 1742 г. Вес каждого около 200 пудов. Еще более тяжелый (540 пудов) с красивым декором колокол 1684 г. висит в Новодевичьем монастыре. Как и некоторые литейщики Пушечного двора, Федор Моторин отливал на своем дворе небольшие колокола для продажи монастырям, храмам и частным лицам. Посредником в этом выступал торговый человек Кадашевской слободы Федор Турченин, имевший лавку в колокольном ряду. Он же поставлял Моторину медь и олово. Через какое-то время между партнерами возник конфликт, который разрешился обязательством мастера брать с продавца расписки⁹.

Федор Дмитриевич Моторин был женат дважды. Имя первой супруги неизвестно. Вторую жену звали Ксенией Александровной. О ней мы тоже ничего не знаем. Незадолго до смерти Федор Моторин разделил свое имущество между второй женой и двумя сыновьями от первого брака Дмитрием и Иваном. Умер

Федор Моторин в 1688 г., что подтверждено документами¹⁰. Годом раньше, в 1687 г. Ксения Александровна передала пасынкам, видимо, часть причитающегося наследства: четвертую часть имущества и надельные деньги¹¹.

Согласно документу, в 1689 г. Дмитрий уплатил пошлину рубль восемь алтын две деньги за 1688 г. «с трех скамей, с двух квасных кадей, да двух кувшинов сусленых», кроме того четыре гривны с кузницы и пять алтын с лавки¹². Как и отец, он был литейщиком колоколов. В музее-заповеднике «Коломенское» хранится колокол его работы 1687 г., отлитый по заказу князя В.В. Голицына для церкви Покрова Богородицы в селе Медведково под Москвой. Его вес небольшой, всего 4 пуда 27 фунтов (около 76 килограмм), но колокол необычен тем, что он ажурный в верхней части и завершен скульптурной головой человека.

В ряде публикаций датой смерти Дмитрия ошибочно указан 1696 г.¹³ На самом деле он умер раньше, в 1691 г. или даже в 1690 г. (в случае, если вдова повторно вышла замуж). Сохранилась «Здаточная запись» его жены Анны Егоровны Ивану Моторину, датированная 26 мая 1691 г. Покидая дом деверя, скорее всего, в связи с повторным браком, вдова при свидетелях дала расписку о том, что она получила «всякого товару и рухляди» по полюбовному соглашению сполна. В документе, составленном с ее слов, помимо «всякой купы по приказу мужа» названы ее приданое, одежда (платья), низанье, серебряная и медная посуда. Расписался за нее отец Егор (Юрий) Казмин¹⁴.

Иван Моторин «объявил» наследство в 1694 г.: одна полулавка и одна четверть лавки в Котельном ряду; на Сретенке двор с лавкой, полулавкой и «сенницей»; на Сретенке же он владел тремя скамьями, держал квасную кадь и сусленный кувшин, имел кузницу и учеников при ней¹⁵. За 1708–1710 гг. он заплатил налог с двух горниц и подклета на Сретенке 13 рублей 23 алтына полтрети деньги¹⁶.

Оба сына Федора Моторина, естественно, с раннего детства могли наблюдать за работой отца, были его учениками. Особенно ярко наследственные способности литейщика, организатора и предпринимателя проявились в деятельности Ивана Федоровича. Он существенно расширил территорию своего двора-завода, прикупив к нему в 1732 г. двор Ивана Анисимова Сахарникова, приобретенный у вдовы последнего Катерины Антоновой за 420 рублей. Двор находился по соседству и включал избу с горницею, сенями и чердаком, пивоварный сарай, два погреба с напогребницами, конюшню, пять лавок с погребями. Длина двора составляла 19 сажень (40,5 метров), ширина 14 (около 30 метров)¹⁷.

На своем заводе Иван Моторин выполнял как частные, так и правительственные заказы, отливал колокола для продажи. Немногочисленные сохранившиеся документы свидетельствуют о напряженной работе мастера. В 1701 и 1702 гг., согласно справке из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, им были отлиты на его заводе сто пятнадцать пушек общим весом 2 301 пуд 20 фунтов¹⁸. Одна из пушек его работы экспонируется на территории Московского Кремля.

В 1708 г. Иван Моторин был отпущен в Петербург для литья колоколов, получив медь с Монетного денежного двора¹⁹. Есть сведения об отливке им одиннадцати колоколов. В Петербург он выезжал неоднократно, в том числе для налаживания работы в Санкт-Петербургском арсенале. Поскольку Иван

Моторин состоял при Приказе артиллерии, ему приходилось выполнять и обязанности контролера. Согласно документам 1711 г. он длительное время был в Кузнечном ряду на Сретенке «у надсмотру» оковки пушечных станов и колес, и «всяких артиллерийских дел»²⁰. Выполнение работы он подтверждал собственноручной подписью в журнале. Судя по подписи почерк у него был четкий и красивый. По ведомости 1711 г. как колокольный мастер И. Моторин имел годовой оклад всего 48 рублей 30 алтын²¹. Столь скромные деньги заставляли лить небольшие колокола для продажи в лавке колокольного ряда, ранее принадлежавшей его отцу. В этом, безусловно, ему помогали крепостные, которых у него было до девяти мужских душ. Среди них были его ученики и подмастерья. В 1712 г. на заводе случился пожар, принесся Моторину значительные убытки. Он смог восстановить завод только в 1714 г. Для функционирования производства мастеру приходилось покупать не только медь и олово, но и разбившиеся колокола. Так в 1714 г. он купил за 412 рублей 15 алтын колокол весом 56 пудов 20 фунтов, пострадавший при пожаре в церкви Григория Неокесарийского на Полянке²².

Сохранились документы об уплате Иваном Моториным всевозможных пошлин в связи с владением недвижимостью, о сдаче в наем торговых мест и прочей деятельности помимо профессиональной. Например, в декабре 1721 г. он дал в долг 20 рублей воротнику Приказа артиллерии Никону Родионову сроком на год под залог его двора с дворовыми и хоромными строениями в приходе церкви Пимена Великого, что в Новых воротниках²³. В 1729 г. заплатил оброк с двух его полулавок «наемщик» Андрей Семенов²⁴. Вместе с пушечным мастером Мартьяном Осиповым в 1728 г. Моторин нанял золотаря Федора Мануйлова Наумова для золочения трех поясов иконостаса в церкви Сергия Чудотворца в Пушкарях²⁵. За работу было уплачено 120 рублей. Видимо, это было пожертвование в пользу храма. Денег хватало не всегда. В 1735 г. Комиссия следствия питейных сборов несколько раз рассматривала вопрос о долге в 300 рублей Ивана Моторина по векселю «компанейщику» Ивану Веселовскому. Деньги были получены взаймы 12 февраля 1733 г. на три месяца, но вовремя не отданы. Незадолго до смерти мастера за ним даже были присланы солдаты с предписанием доставить ответчика на слушание дела в Комиссию. Однако Иван Федорович отказался пойти с ними, сославшись на занятость по приготовлению к повторной отливке будущего Царь-колокола²⁶.

Для Московского Кремля Иван Моторин создал четыре крупных колокола. 16 ноября 1702 г. был перелит разбившийся при пожаре «Большой Воскресный» колокол работы Андрея Чохова 1601 г. весом около 2 500 пудов, висевший в центральном проеме Успенской звонницы. Вес вновь вылитого колокола составил 3 233 пуда²⁷. В документах он назван «Воскресным» и отливался «на построенном казенном заводе при Ивановской колокольне»²⁸. В то время это был самый большой колокол Москвы. Он пострадал при большом пожаре 29 мая 1737 г. из-за того, что перегорели «связи», то есть крепеж к балке. Колокол упал на каменный пол звонницы и получил три или четыре трещины²⁹. На своем заводе в 1704 г. Иван Моторин создал из казенного металла колокол «Семисотный», который очень скоро разбился по вине звонарей и был перелит. Его

вес, по разным источникам, был от 700 до 800 пудов. В 1714 г. мастер перелил разбитый «Набатный» колокол, который экспонируется в парадном вестибюле Оружейной палаты. Вес этого красавца 150 пудов. Впечатляет и колокол 1731 г. весом 460 пудов, известный как «Новгородский» (первоначальное название «Петропавловский»). В том же году Ивану Моторину поручают изготовить часовые колокола для Троицкой башни³⁰. Прославила же имя мастера работа над уникальной отливкой Царь-колокола, которая началась в 1730 г. и была прервана его смертью 19 августа 1735 г. Работа над 200-тонным (12 000 пудов) колоколом потребовала от литейщика Моторина не только высокого профессионализма при подготовке небывало грандиозного проекта, но и таланта организатора, поскольку на разных этапах было задействовано большое количество людей различных специальностей. В источниках фигурируют сведения о более чем тридцати колоколах с именем Ивана Федорова сына Моторина, отлитых с 1691 г., но, конечно, их было намного больше.

Иван Моторин сочетался браком с Прасковьей Андреевной Нестеровой. О ней самой известно лишь, что она рано осталась без отца и воспитывалась матерью и дедом. Документов, свидетельствующих о ее участии в делах мужа, не обнаружено. Возможно, она занималась только домашним хозяйством, которое было немаленьким. Можно предположить, что купленные за 7 рублей Иваном Моториным в 1731 г. крепостные вдова Анна Данилова и ее сын Василий Яковлев предназначались в помощь тридцати четырехлетней жене³¹. Учитывая большую разницу в возрасте между супругами, можно предположить, что это не первый брак Ивана.

Родители Прасковьи Андреевны — Андрей Ильич Нестеров и Анна Ефремовна Бокова — являются потомками известных московских купцов. В документах упоминаются купцы гостиной сотни Никита Нестеров в 1649 г. и в 1653 г. Нестеров Евтифей Михайлов³². Однако их принадлежность к семейству Нестеровых из Барашской слободы неочевидна, но вполне вероятна. Наиболее раннее свидетельство о прапрадеде Прасковьи Михаиле Нестерове опубликовано И.Е. Забелиным. В 1657 г. он имел двор и огород, граничившие с церковными землями, в том числе с дворами священника и пономаря, в Барашской слободе Москвы в приходе церкви Введения Пресвятой Богородицы³³. Двор был прямоугольной формы, с шириной сторон около 81 метра³⁴. Вероятно, Михаил Нестеров был купцом гостиной сотни, поскольку его сын Федор Михайлович Нестеров со временем получил звание гостя, а как известно, корпорация гостей в большинстве случаев пополнялась из числа членов гостиной и суконной сотен. Гости принадлежали к наиболее привилегированной, богатой и влиятельной прослойке российского купечества. Они могли свободно ездить за границу, покупать землю, имели льготы по налогам, их назначение «на службы», как правило на ответственные посты, происходило путем особого царского указа, а не выбора. Капиталы гостей складывались до пожалования, поэтому, скорее всего, Федор Нестеров унаследовал как двор, так и капитал отца³⁵.

В 1659–1660 гг. Федор Михайлович Нестеров был «головою» Нового Английского денежного двора, сменив на этой должности гостя Филиппа Добро-

нина. Денежный двор находился в ведении Приказа Большой казны³⁶. Голова фактически являлся его доверенным лицом. Он принимал медь и выдавал ее для работы, ведя при этом соответствующий учет, он же принимал готовые монеты, оценивал их качество, хранил «под замком» маточники и чеканы, следил за дисциплиной рабочих и наказанием провинившихся. В его подчинении находились около шестисот человек. Как считал С.К. Богоявленский, ввиду большой ответственности головы назначались из числа гостей и только на один год³⁷. Однако в документах, опубликованных А.С. Мельниковой, Федор Нестеров гостем не назван, тогда как при других именах присутствует статусное слово «гость»³⁸. Это наводит на мысль, что Нестеров был на тот период купцом гостиной сотни и, тем не менее, был назначен «головою», а звание гостя получил позднее. На Денежном дворе были часты случаи воровства медных денег и чеканов. Под подозрением в преступлении оказался и Федор Нестеров, в связи с чем был «взят к сыскному делу», то есть арестован³⁹. Вероятно, он был оправдан, поскольку за кражу полагались весьма суровые наказания, а Нестеров их не понес и возможно вскоре получил статус гостя. Федор Нестеров и его сын Илья фигурируют в списке московских гостей, в котором значится тридцать один человек, пожалованных поместными и денежными окладами «за многия службы» и «денежные подати» на военные нужды по случаю «вечного мира» с Польшей⁴⁰. Указ был подписан 17 января 1687 г. По данным Н.Б. Голиковой, Федор Нестеров занимался покупкой и перепродажей европейских и восточных товаров⁴¹. Он умер в 1690 г. и 15 октября был похоронен патриархом Адрианом в церкви Введения Пресвятой Богородицы в Барашах⁴². Это не было знаком уважения к его заслугам. Похороны с участием патриарха могли организовать богатые родственники, заплатив за это определенную сумму в зависимости от «разряда» похорон⁴³.

Всего у Федора Михайловича Нестерова было пять сыновей: Илья, Иван Большой, Василий, Алексей, Иван Меньшой, а также дочери. (Приложение 3). После смерти Федора Нестерова его наследство было поделено между сыновьями согласно жребию. Дочери к тому времени, скорее всего, уже были замужем. Владельцами большого двора стали Илья и Алексей, их братья с семьями остались жить на этом же дворе, но оплачивали свою долю общих расходов Илье.

Статусное звание гостя на родственников не распространялось. При жизни Федора его смог получить в 1680-х гг. только его сын Илья. В 1697 г. по указу царя Петра Алексеевича гость Илья Федорович Нестеров был направлен в Воронеж на строительство флота. Как известно, двенадцать кораблей должны были строиться за счет гостей. Может быть, на него были возложены и другие долговременные обязанности. Перед поездкой он оставил подробную духовную, из текста которой ясно, что на момент ее составления 1 мая 1697 г. его жены и их сына Андрея не было в живых. В случае своей смерти он позаботился об обеспечении внучки Прасковьи и ее матери Анны Ефремовны, подчеркнув, что притязания каких-либо других родственников на его наследство не должны иметь место (Приложение 1)⁴⁴. Женой Ильи Федоровича была дочь Осипа (Иосифа) Васильевича Седова. С ним Илья Федорович сохранял самые добрые отношения и именно тестя он назвал одним из своих душеприказчиков. Тремя другими душеприказчиками

названы зятя Иван Григорьев, Алексей Иванов и протопоп Иван Гаврилов. Следовательно, у Ильи Нестерова помимо сына были три замужние дочери.

Как долго Илья Федорович пробыл в Воронеже, неизвестно. В 1699 г. он был уже в Москве и за 400 рублей приобрел у купца гостиной сотни Максима Филипповича Верховинина половину каменной лавки в верхнем овощном ряду и лавку в кушачном ряду, которая была построена на его питейном погребѣ⁴⁵. Его имя есть в окладной книге Денежного стола 1713 г., где он записан вместе с двумя братьями Иваном Большим и Иваном Меньшим, а также Алексеем и Андреем Нестеровыми, по-видимому их сыновьями⁴⁶. Последнее обнаруженное упоминание об Ильѣ Федоровиче Нестерове, позволяющее думать о нем как о живом, относится к 1715 г. в связи с уплатой мостовых денег в казну Приказа земских дел. Сумма была взята «с двора гостя Ильѣ Нестерова с братьями», а уплачена крепостным Лаврентием Кирилловым⁴⁷.

Сын Ильѣ Андрей был женат на Анне Ефремовне Боковой. После смерти свекра она стала наследницей его половины двора. Сама она скончалась не позднее 1724 г., а в документе 1726 г. собственником этого двора указан Иван Федорович Моторин, женатый на дочери Андрея Ильича и Анны Ефремовны Прасковье. В 1726 г. Иван Моторин указан как собственник (половины?) двора и платил налоги⁴⁸.

По линии матери Прасковья Андреевна имела многочисленных родственников из семейства богатых купцов Боковых (Приложение 4). Тимофей Григорьевич Боков упоминается в документах с 1660-го г. Сначала он состоял в суконной сотне, впоследствии был переведен в гостиную сотню вместе со своими четырьмя сыновьями и внуками. В 1670-е гг. он состоял «у денежного приему» в Сибирском приказе, а в 1680-х гг. перевозил из Астрахани в Москву рыбу с дворцовых промыслов. Он и четверо его сыновей, в том числе Ефрем Тимофеевич, вели активную торговлю через Астрахань, доставляя туда на собственных стругах русские и западноевропейские товары и привозя оттуда в Москву восточные, преимущественно шелк. Брат Ефрема Тимофеевича Савва (Савин) в 1690-е гг. получил право войти в корпорацию гостей. Его сын Андрей Саввич остался членом гостиной сотни. Торговлей занимались и внуки Тимофея Григорьевича.

Алексей Федорович Нестеров после смерти отца владел несколькими лавками. В Ветошном ряду он купил полторы лавки в 1703 г., а в 1707 г. там же за 200 рублей еще полторы лавки с деревянными лавочными местами и «без четверти» лавку с лавочным местом⁴⁹. В документе 1711 г. он назван купцом гостиной сотни и назначен в «Купецкую палату» при Большом денежном дворе, где состоял при скупке драгоценных металлов⁵⁰. В 1712 г., видимо незадолго до смерти, он купил за 400 рублей у Нефѣда Никитина Кормилицына шесть каменных лавок с погребями в Ветошном большом ряду. Одним из свидетелей сделки назван Иван Никифоров сын Моторин. К сожалению, запись в документе о нем сделана невнятно. Можно понять, что он был свидетелем со стороны жены Алексея, которая приходилась Ивану Никифорову кумой. Собственноручная роспись И.Н. Моторина выполнена четко, красивым почерком. Имел ли он отношение к литейщикам Моториным сказать невозможно.

У Алексея Федоровича была дочь Федосья, которая вышла замуж за секретаря государственной вотчинной коллегии Емельяна Анисимовича Невежина. Вероятно, он был соседом Нестеровых, поскольку являлся прихожанином церкви Воскресения Христова в Барашках. В 1732 г. он подписался под прошением о необходимости перестройки этого храма в связи с его ветхостью⁵¹. Федосья Алексеевна видимо была в хороших отношениях с внучатой племянницей Прасковьей Андреевной. В 1727 г. она продала «для проплаты долгов» жене Ивана Моторина доставшиеся ей по наследству шесть лавок в Ветошном ряду, купленных ее отцом⁵².

Судьба братьев Василия, Ивана Большого и Ивана Меньшого неизвестна. У Василия был сын Иван, который в 1727 г. собирался жениться. 12 октября он и будущий тесть обменялись пятьюдесятью рублями в знак достижения договоренности о приданом⁵³. Иван Меньшой был женат, умер не позднее 1719 г., поскольку в этом году упомянута его вдова⁵⁴. В окладной книге 1713 г. названы Андрей и Алексей Нестеровы, видимо проживавшие вместе с Ильей Федоровичем и его братьями Иваном Большим и Иваном Меньшим. Можно предположить, что Андрей и Алексей были сыновьями последних, так как в числе членов гостинной сотни первой половины XVIII в. известен Алексей Иванович Нестеров. Он умер в 1747 г. в возрасте шестидесяти лет. Его сыновья Иван и Сергей ушли из жизни в 1750 г. и 1752 г., когда им было соответственно четырнадцать и пятнадцать лет⁵⁵.

У Ивана Федоровича Моторина и его жены Прасковьи Андреевны родились дети — Наталья (1729/1730) и Михаил (1717/1718). Возможно, были и другие, которые рано умерли. Михаилу посчастливилось вместе с отцом вписать яркую страницу в историю колокольного дела, хотя его имя осталось в тени. Он успешно завершил начатое отцом дело — в 1735 г. возглавил отливку знаменитого Царь-колокола. За эту работу он был награжден указом Сената 1736 г. рангом «цейхмейстера литейных дел» и одной тысячей рублей⁵⁶. Безусловно, растрескивание колокола, фактически гибель при большом пожаре 1737 г. им тяжело переживались. Появившееся в интернете мнение о якобы некачественной отливке и растрескивании колокола сразу после отливки представляется не убедительным. Десятки трещин не могли остаться незамеченными и Михаил не получил бы никакого вознаграждения, а его авторитет как литейщика только бы упал. Во всяком случае он не стал бы кандидатом на переливку разбившегося Большого Успенского колокола в 1741 г. В то время возникли опасения в повреждении этим колоколом сводов кремлевской звонницы, так как он упал из-за пожара 1737 г. Для оценки ситуации наряду с архитектором Коробовым и ассессором Бринчениновым был приглашен Михаил Моторин⁵⁷. К сожалению, из-за отсутствия средств у Синода ему не пришлось перелить колокол работы отца.

В 1742 г. Михаилу Моторину, как первому из литейщиков, было предложено отлить колокол весом 4 000 пудов для Троице-Сергиевого монастыря и такой же для Новодевичьего монастыря⁵⁸. Однако стороны не смогли договориться о цене. Моторин запросил за работу по два рубля с пуда, то есть 8 000 рублей. Заказ был отдан Гавриле Лукьянову Смирнову и Семену Степанову, просившим лишь по 50 копеек с пуда. В связи с подготовкой соборов Кремля к коронации Елизаветы Петровны Михаил Иванович был привлечен к работе в Успенском соборе. Ему

поручалось со своими рабочими и своими же блоками и канатами снять все иконы иконостаса для «вычищения» и потом установить их на прежних местах⁵⁹.

Помимо Царь-колокола известны определенные сведения лишь о нескольких колоколах его работы, хотя предложений, безусловно, было значительно больше. В 1736 г. он отлил колокол для московского Богоявленского монастыря, в 1737 г. — для церкви Архангела Гавриила на Чистом пруду весом 108 пудов 6 фунтов⁶⁰. Осенью в 1738 г. вместе с крепостным отцом Гавриилой Лукьяновым Смирным в Кирилло-Белозерском монастыре был отлит колокол весом около 850 пудов (13 с половиной тонн)⁶¹. Видимо, тогда же начались переговоры о перелитии им для Заиконоспасского училищного монастыря двадцать одного колокола в один большой. Михаилу Моторину в 1742 г. выдали из монастыря четырнадцать колоколов общим весом 25 пудов, но новый так и не был вылит и в 1750 г. настоятель монастыря просил вдову вернуть колокола⁶². О полиелейном колоколе без даты весом около 50 пудов, находившемся в Спасопреображенском монастыре в Старой Руссе, с надписью: «Лил сей колокол мастер Михаил Мотора» написал Н.И. Оловянишников⁶³. Скорее всего, это колокол работы Михаила Моторина. Можно предположить, что имя Михаила стояло и на 570-ти пудовом колоколе, отлитом в 1745 г. его подмастерьем Григорием Ивановым Кудрявцевым с одним работником для соборной церкви Воскресения в Черкасске⁶⁴.

После смерти отца Михаил Иванович стал наследником большого хозяйства. Это и литейный завод на собственном дворе, и несколько лавок, и крепостные, количество которых уменьшилось до четырех душ мужского пола. Некоторое представление о его заводе дает частично сохранившееся описание его двора, сделанное, скорее всего, уже после смерти Михаила Ивановича перед продажей⁶⁵. Двор был разделен почти поровну на переднюю и заднюю части. Его длина была около 178 метров (84 сажени), а общая ширина 104 метра (48 сажений). На переднем дворе находился каменный дом на подклете с тремя жилыми помещениями и кладовой. В подклете располагалась людская, три погребца для провизии и два чулана. На этом же дворе находились два деревянных амбара. В наибольшем стояли две литейные печи. Одна из печей была рассчитана на плавку 1 000 пудов металла, вторая на 500 пудов. В амбаре поменьше была одна печь на 20 пудов. Рядом находились две деревянные «светлицы», предназначенные для изготовления форм для литья крупных колоколов весом от 30 до 300 пудов. Если передний двор был задействован довольно редко, то задний эксплуатировался если не постоянно, то довольно часто. Там был специальный дом «для постоя» с горницей и сенями, конюшня с четырьмя стойлами, рядом сушило для сена, в котором были четыре чулана. На этом же дворе располагался сарай для хранения колокольных форм, так называемый угольник — помещение для хранения угля, три дубовых погребца с напогребницами. Кроме того специальный амбар предназначался для вывешивания готовых колоколов. Там же находились трое весов с гирями при них общим весом 65 пудов. Самые большие весы имели специальные «подъемы», вторые считались малыми, а третьи — более точные, имели медные «чашки». В описи двора перечислены и необходимые в деле инструменты и приспособления. Названы железные веретена раз-

ных образцов, «литеры», которые кладутся на формы колоколов от полпуда до 300 пудов, железные инструменты для оковки форм от 30 пудов до 300, деревянные инструменты для изготовления форм как маленьких колоколов весом от 20 фунтов (8 килограмм), так и больших до 300 пудов (около 5 тонн). Особо подчеркнуто, что все инструменты в целости. Далее перечислены двенадцать пригодных к делу чугунных досок, одиннадцать железных блоков «разных рук» с медными колесами, пять разных больших подъемных канатов, десять канатов «пресновальных», две пары плавильных мехов, столько же мехов кузнечных, две наковальни и к ним железная доска дляковки языков, четыре железные полосы для больших форм, четыре чугунных колеса, пять заливных труб, из которых одна деревянная, а остальные медные «рушные», три железных отбойника «которыми по выпуске меди отбивают из печи гвозди». Без счета указаны молоты, пилы, зубила, ломы, колоты, но подчеркнуто, что все в целости. Последними в списке названы «колокольного дела фурмы». Окончание документа в деле отсутствует.

Для содержания завода и прочих расходов требовались значительные суммы, которых порой не хватало. Сохранился документ, датированный маем 1741 г. о займе Михаилом Моториным на год очень значительной суммы — 1 000 рублей серебром у майора Александра Федорова Салманова⁶⁶. В другом недатированном и фрагментарно сохранившемся документе говорится о долге Михаила на сумму 1 050 рублей⁶⁷. Ряд документов, в основном расписок, свидетельствуют об уплате им всевозможных пошлин и сборов с двора, лавок, бани, сенницы, за владение крепостными. Собственность не всегда была переоформлена на Михаила Ивановича, из-за чего порой возникали недоразумения по оплате. Умер он, согласно документам, в 1748 г., а не в 1750 г., как указано в публикациях⁶⁸.

Михаил Моторин был женат дважды. Исследователь Ю.Н. Москвичева сообщила автору статьи, что ей встретился документ 1737 г. с именем его жены, семнадцатилетней Стефаниды Семеновны. Видимо, овдовев, он женился не позднее 1742 г. на Екатерине (Катерине) Артемьевне⁶⁹. Со смертью мужа на нее свалился немалый груз повседневных забот о заводе, хозяйстве, детях. Как можно заключить из многочисленных документов, вдова с честью справлялась со всем. Она невольно стала первой женщиной, владевшей колоколотейным заводом. Он смог функционировать благодаря оставшимся крепостным литейщикам. Самый значительный контракт, подписанный ею в 1755 г., был на переливку колокола работы ее мужа для Кириллю-Белозерского монастыря. Новый тысячпудовый колокол отлил Иван Гаврилов Смирной (Смирнов) в 1756 г. Можно предположить, что завод был продан не ранее этого года, функционировал и там отливались не столь тяжелые колокола. Считается, что его купил Константин Михайлов Слизов. Екатерина Артемьевна была, видимо, довольно образованна для женщины своего круга. Ей самой пришлось разбираться с финансовыми претензиями налоговых органов, доказывая их неправомерность в челобитных и доношениях. Так, по поводу платы десятой деньги за лавку в Колокольном ряду (27 рублей ежегодно) она писала, что не должна ее платить, так как еще Иван Моторин в 1700 г. был освобожден от уплаты распоряжением из Приказа большой казны. В 1754 г. она вполне профессионально дала пояснения по поводу остатка казенного металла, числившегося за

Иваном Моториным после литья колоколов в Петербурге. Для этого ей надо было найти документы и разобраться в них. Иногда приходилось доказывать законность собственности, в частности лавки, записанной на кадашевца Федора Полонянкина, и четверти лавки в Овощном ряду, которая по оброчной книге числилась за архимандритом Воскресенского монастыря Стефаном с братиею, а юридически была оформлена на Михаила Моторина. Она сама ежегодно уплачивала различные налоги, причем не только за себя, но и за соседей, возможно предварительно собирая с них деньги. В архиве сохранились многочисленные расписки с ее подписью. Основной доход, вероятно, давали лавки: по одной в Котельном и Колокольном рядах, одна и четверть лавки в Овощном ряду. В 1752 г. она пыталась доказать, что ее двор освобожден от постоя. Еще Иван Федорович Моторин в июне 1733 г. обратился в Сенат с такой просьбой, жалуясь на то, что с 1711 г. на его дворе квартируют штабс и обер офицеры с женами, детьми и служителями, создавая невыносимые условия для его работы над Успенским большим колоколом, поскольку он дома выполняет «чертежи, машины и лекалы и протчие принадлежащие к тому модели»⁷⁰. Тем не менее, к Екатерине Моториной были определены семь фузелеров. Это влекло дополнительные расходы и хлопоты, так как она, согласно предписанию, обеспечивала наличие в покоех полатей, стола, чулана, нужника, заботилась об отоплении и освещении, получая под расписку дрова и свечи строго по установленной норме⁷¹. Не исключено, что ей приходилось то и другое добавлять из своих запасов. Число ее крепостных к 1762 г. увеличилось на две души, вероятно за счет новорожденных мальчиков. В 1764 г. она продала за 19 рублей московскому купцу второй гильдии Ивану Ефимову сыну Ефимову «порозжее» кузнечное место, находившееся в приходе церкви Успения в Печатниках⁷². Владельцем завода к этому времени, возможно, уже был Константин Слизов, поэтому кузница была Екатерине Артемьевне не нужна. После продажи двора с заводом семья, вероятно, проживала в принадлежавшей Ивану Моторину части двора Федора Нестерова. Последний известный автору статьи документ с именем Екатерины Артемьевны датирован 3 февраля 1769 г.⁷³ Это договор о найме купцом второй гильдии Михаилом Михайловым Ветошниковым каменной лавки с железным затвором в Овощном ряду в Китай-городе «на три года вперед» и с условием ежегодной выплаты 40 рублей «наперед года». Подписи Моториной на документе нет, но присутствуют подписи двух поручителей и свидетеля. Можно лишь предположить, что она была тяжело больна. В исповедной ведомости, согласно данным Ю.Н. Москвичевой, ее имя фигурирует еще в 1770 г.⁷⁴ Дочь Матрена к тому времени могла быть замужем. В архиве хранится интересный документ, написанный сыном Михаила Ивановича и Екатерины Артемьевны Сергеем. Это черновик челобитной (1762?) на имя императрицы (или императора), в которой сообщается о том, что после смерти отца в 1748 г. он остался «в малых летах», благодаря матери обучен российской грамоте, арифметике, геометрии и тригонометрии, как прадед и дед обучен купечеству, но колокольному делу не обучен. Просит определить его «в службу при канторе», поскольку он в науках прилежен, но дать ему два года отсрочки, чтобы «к наукам совершенно доучиться мог». Даты черновик не имеет, но в нем есть фраза: «От роду мне 16 лет»⁷⁵. Как сообщила автору Ю.Н. Москвичева, ей встретился документ 1763 г.,

в котором Сергей назван «артиллерии каптенармусом» и указан его возраст — 17 лет. Как «артиллерии офицер» он записан и в ведомости 1770 г., следовательно, он родился в 1746 г. Матрена (возможно, она же Мария), по данным Ю.Н. Москвичевой, была на год старше⁷⁶. Дальнейшая судьба детей Михаила Моторина не прослеживается.

К сожалению, ныне здравствующие опрошенные носители фамилии Моториных не знают своих далеких предков. В Музеи Московского Кремля обратился лишь проживающий в г. Чайковском Пермской области Валерий Михайлович Моторин, в семье которого сохранилось предание о том, что он является потомком Михаила Моторина, отлившего Царь-колокол.

¹ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. М., 1962. Ч. 1; Кондрашина В.А. Государев пушечный и колокольный мастер Александр Григорьев // Колокола. История и современность. М., 1985; Бондаренко А.Ф. Московские колокола XVII в. М., 1998; Она же. История колоколов России XI—XVI вв. М., 2012; Глушецкий А.А. Колокольное дело в России во второй половине XVIII — начале XX века: Энциклопедия литейщиков. М., 2010; Костина И.Д. Колокола XVI—XIX веков: Каталог собрания (в печати).

² РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32.

³ Там же. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160.

⁴ Панова В.И. История Воронежского края. Воронеж, 2001. С. 56.

⁵ Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950. С. 245.

⁶ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 98.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 97.

⁹ Кондрашина В.А. Московская школа колокольного литья в русской культуре второй половины XVII в. Дис. ... канд. культурологии. М., 2000. С. 85—86.

¹⁰ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 8; Бондаренко А.Ф. Московские колокола XVII в. С. 224.

¹¹ Бондаренко А.Ф. Московские колокола XVII в. С. 226.

¹² РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 85.

¹³ Бондаренко А.Ф. Московские колокола XVII в. С. 226; Глушецкий А.А. Колокольное дело в России во второй половине XVIII — начале XX. С. 260.

¹⁴ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 73.

¹⁵ Снегирев В. Московские слободы. М., 1956. С. 129. «Полная лавка имела две сажени [4, 27 метра] в ширину и две с половиною [5,33 метров] в глубину, под лавками были подвалы» (Там же. С. 123). Вероятно, незадолго до этого умерла мачеха Ивана, и он получил ее долю, присоединив к наследству, полученному от отца.

¹⁶ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 189.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 928. Л. 413.

¹⁹ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 65.

²⁰ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 245—254.

²¹ Там же. Л. 159 об.

²² РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 3, 7, 8.

²⁵ Там же. Л. 76.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 833. Л. 417—419; Там же. Кн. 838. Л. 492—495, 544—560.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 42. Д. 94. Л. 41.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 928. Л. 411 об. Вероятно, была раскрыта старая литейная яма, в которой отливались колокола в 1654 и 1655 гг.

²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 174. Л. 9 об. Источники называют разное количество трещин.

³⁰ Бондаренко А.Ф., Кондрашина В.А. Моторины // Москва: Энциклопедия. М., 1998. С. 525.

³¹ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 3, 7, 8.

³² Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 292, 311.

³³ Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. 2. С. 208. В выше указанной монографии 1998 г. (см. примеч. 32) Н.Б. Голикова написала, что Федор Михайлов Нестеров был внуком ярославца Неустроя Филатова и сыном Михаила Неустроева, сын которого Федор, переехав в Москву, взял фамилию Нестеров как более простую и привычную по звучанию. Однако данные, приведенные И.Е. Забелиным, свидетельствуют, что Неустроевы и Нестеровы – разные кланы, а Михаил Нестеров в середине XVII в. уже жил в Москве.

³⁴ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 32.

³⁵ Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. С. 157; Голикова Н.Б. Численность, состав и источники пополнения гостей в конце XVI – первой четверти XVIII в. // Русский город. М., 1986. Вып. 8. С. 83.

³⁶ Новый Английский денежный двор находился на Фроловской улице в Белом городе (нынешняя Лубянка), где ранее было подворье английских купцов. Существовал с 1654 по 1663 г., а его деятельность была связана с денежной реформой (см.: Зайцев В.В., Мельникова А.С. «Дела» нового Английского денежного двора 1654–1663 гг. М., 2005. С. 3).

³⁷ Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 235.

³⁸ Мельникова А.С. Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654–1663 гг. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1971. Т. IX. С. 153.

³⁹ Там же. С. 152–153; Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. С. 235–238; Зайцев В.В., Мельникова А.С. «Дела» нового Английского денежного двора 1659–1663 гг. С. 17.

⁴⁰ Аксенов А.И. Положение и судьбы гостей в конце XVII–XVIII вв. // Проблемы отечественной истории. М., 1973. С. 74.

⁴¹ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. С. 130.

⁴² Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1. С. 630.

⁴³ Забелин И.Е. История города Москвы: Репр. изд. М., 1990. Ч. 1. С. 596.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 61–62 об.

⁴⁵ Там же. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 96.

⁴⁶ Аксенов А.И. Положение и судьбы гостей в конце XVII–XVIII вв. С. 74, 76.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 32. Делопроизводство часто не поспевало за фактическим положением вещей, поэтому пошлины нередко начислялись на имя умершего владельца, а платили наследники.

⁴⁸ Там же. Л. 42.

⁴⁹ Там же. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 2.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 5. Л. 104.

⁵¹ Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. С. 628.

⁵² РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 107.

⁵³ Там же. Л. 99–100.

⁵⁴ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. С. 388.

⁵⁵ Аксенов А.И. Положение и судьбы гостей в конце XVII–XVIII вв. С. 76.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Кн. 924. Л. 1063; Там же. Кн. 928. Л. 415; Скворцов Н.А. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. М., 1914. Вып. 2. С. 425.

⁵⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 26. Д. 277. Л. 1 об.

⁵⁸ Арсений, иеромонах. О Царь-колоколе Свято-Троицкой Сергиевой лавры. СПб., 1880. С. 10; Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. С. 237.

⁵⁹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 4. Д. 5. Л. 11.

⁶⁰ Мартынов А.А. Московские колокола // Русский архив. 1896. № 1. С. 555, 561.

⁶¹ Виденеева А.Е., Коновалов И.В. К истории большого колокола Кирилло-Белозерского монастыря // Сообщения Ростовского музея. Ярославль, 2002. Вып. 12. С. 186, 192.

⁶² Скворцов Н.А. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. С. 423–425.

⁶³ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912. С. 70.

⁶⁴ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 116.

⁶⁵ Там же. Л. 84, 84 об., 97, 97 об.

⁶⁶ Там же. Л. 103.

⁶⁷ Там же. Л. 120.

⁶⁸ Там же. Л. 4.

⁶⁹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 71. Л. 210.

⁷⁰ *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. С. 871.

⁷¹ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 40.

⁷² Там же. Л. 18, 18 об.

⁷³ Там же. Л. 6.

⁷⁴ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 396. Л. 104 об.

⁷⁵ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 160. Л. 4.

⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 311. Л. 133. Выражаю глубокую признательность Ю.Н. Москвичевой за предоставление ценных сведений из Исповедных ведомостей Сретенского сорока (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 5, 71, 95, 311, 396).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСОК С ДУХОВНОЙ ИЛЬИ НЕСТЕРОВА, СЛОВО В СЛОВО* (РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 32. Л. 61–62 об.)

Во имя Пречистые и безначальные и единосущные и животворящие и неразделимые Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Тоя создания Божия аз раб многогрешный Илья Федоров сын Нестеров пишу себе изустную сию память для того, в нынешнем в 205-м году по указу великого государя велено быть мне Илье на ево великого государя службе на Воронеже у карабельного дела. А в доме моем, что в обчем дворе с братьями моими, останется невестка моя, сына моего Андрея жена, ево вдова Анна Ефремова дочь с дочерью своею, а с мою внукою девицею Парасковьею Андреевой дочерью. А пожитки мои благословение отца моего и матери платье, низанье, серебряная, оловянная, медная посуда и всякой домовый завод и приданое ее невестки моей и иное, что дал за ней отец ее Ефрем, все оставляю у ней, невестки своей Анны.

А что чего осталось порознь и то все написано имянно в тетратях за мою рукою. И те мои пожитки все, и те тетради отданы на соблюдение ей невестке моей вдове Анне. И жить ей невестке моей Анне в доме с дочерью своею, а с моей внукою Парасковьею в том моем вышеименованном доме. А лавочному товару, что мне дали братья мои в уплату после смерти отца моего на две тысячи на пятьсот на девяносто рублей, а затем, что доведется донять по счету и по росписям руки отца моего и братьей моих, и те росписи положены у тестя моего у Осипа Васильева сына Седова на соблюдение ж и никому тех писем ему Осипу не отдавать. А ис товару вырученные деньги тысяча сто рублей — даны займы садовнику Герасиму

---

* Документ публикуется с сохранением орфографии, но без буквы «ъ», цифры в буквенном обозначении заменены арабскими, смысловые дополнения заключены в скобки. Авторская пунктуация дополнена по смыслу.

Белскому и взята кабала и положена у невестки моей. Да на соблюдение положены у братьей моих: у Алексея 800 рублей, у Ивана Меньшого 400 рублей. А что довелось мне взять на братьях моих по счету всяких убытков и в харчи, и того написано в тетратех моею рукою. Да я ж оставил у невестки своей закладную в семидесяти рублях кормоваго дворца стряпчего на Ивановскую жену Исаева, на вдову Соломаниду. И буде волею Божиею на той службе учинися мне смертный час и я Илья приказываю душу свою строить и поминать гдсам [господам] своим и сродникам Иосифу Васильевичу Седово, а на поминование души моей душеприказчикам моим роздать пятьсот рублей с наличных моих денег, которые положены на соблюдение у братьей моих Алексея и Ивана Меньшого. А которым церквам и на сколько церквей дать, и почему, и о том о всем полагаюся на волю душеприказчиков своих. А отцу моему духовному дать десять рублей, а достальные деньги девятьсот рублей взять у братьей моих, и пожитки все, что есть и написаны в тетрати за моею рукою после себя приказываю ей, невестке своей вдове Анне Ефремове дочери с дочерью ее, а со внукою своею девицею Парасковьею Андреевой дочерью, и никому до тех моих пожитков... и не вступаться.

А буде волею Божиею внуки моей девицы Парасковьи не станет, из тех пожитков оставить ей, невестке моей вдове Анне тех всех моих пожитков половину, да приданое ее, а другую половину, что будет, взять у невестки моей вдовы Анны душеприказчикам моим и роздать в поминование ж души моей по монастырям и по церквам и на окуп пленным и учинить по рассмотрению своему.

А буде волею Божиею и невестки моей вдовы Анны не станет же и после ее невестки моей Анны те мои пожитки все ис московского моего двора, что достался мне по розделу с братьями моими родными жереба, взять братьям моим Василью, Алексею, Ивану Большому, Ивану Меньшому и розделить меж собою по жеребям вправду. А приданое невестки моей отдать все отцу ее Ефрему Бокову и ничем не удержать долгов, крепостных и бескрепостных на мне Илье. Так же и мне Илье, оприч вышепомянутых долговых, взяты никакова ничего нет. Долги, которые общаго домоваго расхода есть на братьях моих и написаны в книгах моею ильиною рукою и тое книгу и роспись писма руки отца моего после смерти моей душеприказчикам моим взяв у тестя моего у Осипа Седово изодрать. Все купленные мои люди, которые есть с женами и детми и еже невестке моей вдове Анне, да внуке моей Прасковье. А кабалных людей с женами и детми отпустить на волю, отдав им платье их и что у них есть, все без удержания. Девку Василиску Никифорову дочь, дав ей в надел денег пятьдесят рублей и платье все, что у ней есть, отпустить на волю без удержания. А по смерти внуки моей Парасковьи и купленных людей, что написаны по сей моей духовной, после меня невестке моей и внуке потому ж отпустить всех на волю без удержания.

И по сей моей духовной, как писано выше сего, душеприказчикам моим пожаловать о всем учинить неотложно. А братьям моим Василью, Алексею, Ивану Большому, Ивану Меньшому и женам их и детям и сестрам моим и иным моим сродникам никому ни до чего дела нет и не вступатца и никакими делы ни о чем не бить челом. А буде о чем и челобитье их будет и тому их челобитью неверить. А что мне и братьям моим и по тетрати, которая за нашими руками написано досталось по жеребям на долю и тетрать по смерти моей душеприказчикам

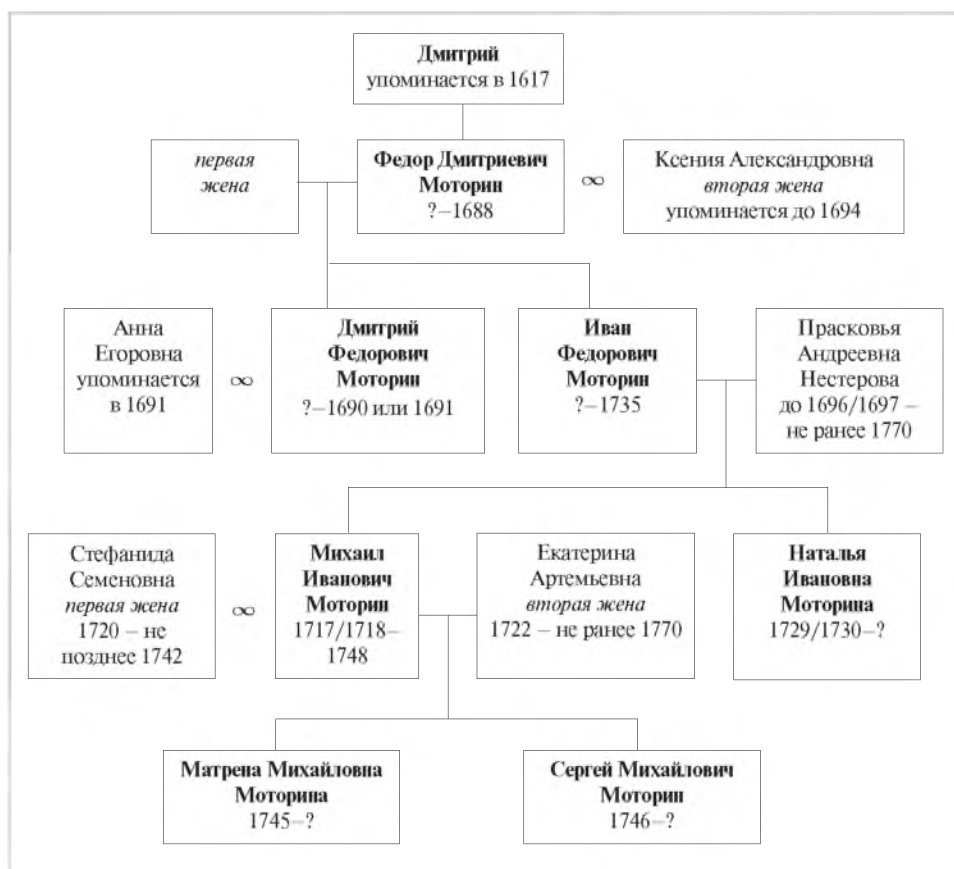
моим взять у Иосипа ж Седова [и] отдать братьям моим обще для подлинного свидетельства, что [б] впредь по мне меж братьями моими никакого спора не было. А те мои изустные памяти написаны и душеприказчикам моим отданы по противним зятьям моим Ивану Григорьеву, Алексею Иванову, Ивану Гавриловичу протопопу, да тестю моему Осипу Васильевичу Седову.

А сию изустную память писал по приказу гостя Ильи Федоровича Нестерова Барашские слободы подъячей Парамошка Кирилов лета семь тысяч двести пятого маия в первый день.

А у подлинной позади по склепам на столпцах пишет «К сей духовной росписи Илья Нестеров руку приложил».

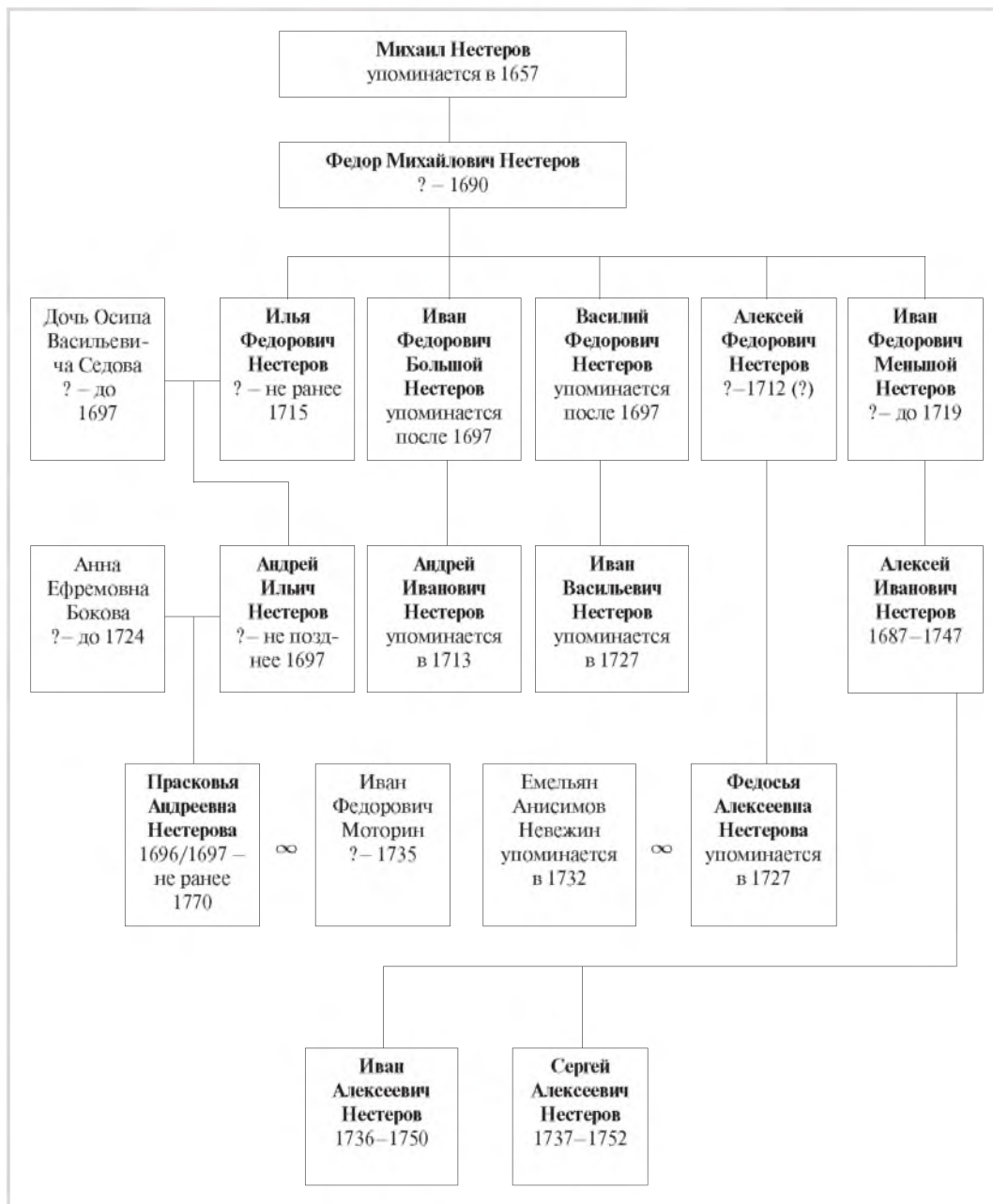
ПРИЛОЖЕНИЕ 2

РОДОСЛОВНАЯ МОТОРИНЫХ

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

РОДОСЛОВНАЯ НЕСТЕРОВЫХ

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

РОДОСЛОВНАЯ БОКОВЫХ

